

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ЛИТУРГИЧЕСКАЯ ДРАМА

ДЕВЫ МУДРЫЕ И ДЕВЫ НЕРАЗУМНЫЕ¹

(XI в.)

Женщины. Где Христос, господь мой и сын всевышний? Пойдем посмотрим гроб.

Ангел — страж у гроба. Того, кого вы ищете во гробе, о христиане, нет здесь. Он воскрес, как он предсказывал. Идите возвестите ученикам его, что он предыдет вам в Галилее. Воистину восстал господь из гроба со славой. Аллилуйя!

Жених. Вот жених, который есть Христос: бодрствуйте, девы; приходу его радуются и возрадуются люди; ибо пришел он освободить народы, которых покорили себе дьяволы греха ради первой матери; это тот, кого пророк называет вторым Адамом и чрез которого грех первого Адама отпустится нам. Он был распят, чтобы вернуть нас царствию небесному и избавить нас от власти врага рода человеческого. Грядет жених, который смертью омыл и искупил наши злодеяния и претерпел крестные страдания.

Мудрые девы. Слушайте, девы, что мы вам скажем, присутствуя здесь, что вам прикажем: ждите жениха, Иисуса спасителя. Немного спал жених, которого вы теперь ожидаете.

Пришел он на землю за грехи ваши; от девы в Вифлееме родился, в реке Иордане омылся и крестился.

И был он побиваем, осмеян и отвергнут, и вверху на крест прибит и гвоздями пригвожден; и внизу во гробе упокоился.

И воскрес он, как говорит писание.—Я Гавриил, находящийся здесь. Ждите его, ибо скоро придет он сюда.

Неразумные девы. Мы, девы, что приходим к вам; мы проливаем масло с небрежением; мы хотим просить вас, сестры, как тех, которым верим. О скорбные! О жалкие! Мы слишком долго спали.

Мы спутницы в одном пути и сестры одной семьи, и хотя случилось с нами несчастье, вы можете вознести нас до небес. О скорбные! О жалкие! Мы слишком долго спали.

Дайте нам света в лампы, сжальтесь над неразумными, чтобы не были мы изгнаны, когда жених позовет вас в дом свой. О скорбные! О жалкие! Мы слишком долго спали.

Мудрые девы. Перестаньте, просим вас, сестры, просить нас больше, ибо ничуть не будет вам лучше просить об этом дальше. О скорбные! О жалкие! и т. д.

Идите теперь, идите скорей и нежно просите продающих, пусть дадут вам, ленивым, масла в лампы ваши. О скорбные! О жалкие! и т. д.

Неразумные девы. О несчастные! Что мы сделаем? Не могли ли мы бодрствовать! Мы сами принесли себе страдание, которое терпим теперь. О скорбные! и т. д.

И пусть даст нам скорей продавец или его товарищ товар, который они имеют. Мы приходим теперь за маслом, ибо с небрежением наливали наше. О скорбные! и т. д.

Мудрые девы. Нашего масла просите вы нас дать вам; вы ничего не получите; идите купите его у продавцов, видите, там. О скорбные! и т. д.

Продавцы. Милые дамы, не следует вам здесь быть и оставаться долго; просите света, мы его вам дать не можем; ищите того, кто вам может дать свет. О скорбные! и т. д.

Идите за вашими мудрыми сестрами и просите их ради бога славы, чтобы помогли вам маслом; делайте это скорее, ибо скоро придет жених. О скорбные! и т. д.

Неразумные девы. О мы, несчастные! К чему мы приходим? Ведь ничего нет, чего мы ищем. Предсказано было, и мы увидим скоро... На брак никогда не выйдем мы. О скорбные! О жалкие! и т. д.

Услышь, о жених, голоса плачущих; прикажи открыть нам дверь; подай нам помощь с подругами.

Теперь пусть войдет жених.

Христос. Истинно говорю, не знаю вас; ибо нет света у вас; потому что те, кто идут, идут далеко при свете этого двора.

Идите, жалкие! Идите, несчастные! Отныне навеки суждены вам страдания, и вы будете тотчас уведены в ад.

Пусть тотчас схватят их демоны², и они будут ввергнуты в преисподнюю.

Да принесут все радующиеся народы песню радости. Бог становится человеком, ныне родившимся из дома Давидова.

О иудеи, которые отрицаете слово божие! Услышьте одного за другим людей вашего закона, свидетелей царя; и вы, неверующие, что дева зачала, рассейте туман обмана учениями ваших людей.

[После этого приходят пророки иудейские (Виргилий, Навуходносор, Сивилла³) и пророчествуют о пришествии Иисуса Христа.]

Драма «Sponsus» в оригинале напечатана в книге: L. J. N. Мопгаег-
que et F. Michel, Théâtre
français au moyen âge, Paris, 1839,
pp. 1—9. Перепечатано из книги:
И. И. Гливенко, Хрестоматия
по всеобщей литературе, ч. 1, П.,
1915, стр. 262—265. Перевод
И. И. Гливенко.

ПОСТАНОВКА ПАСХАЛЬНОЙ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Чтобы торжественно отпраздновать положение во гроб нашего спасителя и крепить веру невежественного простонародия и неофитов, мы решили следовать похвальному обычаю некоторых церковников. [...]

В части алтаря, где находится отверстие, должен быть помещен гроб, завешенный кругом занавеской. [...] Должны выйти два дьякона, держа крест, закрытый саваном, и затем понести его с пением антифонов, пока не подойдут к месту гроба и не возложат крест, как если бы это было тело господя нашего, которое они погребают. В этом самом месте святой крест должен оставаться до самой ночи воскресения. [...] В день святой пасхи, перед заутреней, пусть церковные служители поднимут крест, чтобы поместить его в надлежащее место. Во время третьего чтения пусть четверо из братьев облачатся; один, надев альбу¹ как бы для другой службы, пойдет незаметно к гробу и тихо сядет с пальмовой ветвью в руке. Во время пения третьего антифона пусть трое оставшихся, одетые в ризы, с кадилами на-

правятся к месту гроба, делая вид, будто ищут что-то. Это происходит в подражание ангелу, сидящему на камне, и женам, пришедшим натереть миром тело Иисуса. Когда же сидящий увидит, что к нему приближаются трое как бы сбившихся с пути и ищущих что-то, пусть он начнет пение тихим и нежным голосом: «Кого вы ищете?» Когда он споет, пусть трое вместе в унисон ответят: «Иисуса Назарянина», а он им: «Его нет здесь; он восстал, как раньше предсказал. Идите, возвестите, что он восстал из гроба». После этого пусть они обратятся к хору со словами: «Аллилуйя, господь восстал!» Затем все еще сидящий ангел, как бы обратно их призывая, споет антифон: «Придите и посмотрите место...» При этих словах пусть он встанет и снимет покров и покажет им место, где нет креста, но осталась пелена, в которую завернут был крест. Те, увидев место, положат туда свои кадильницы, возмут полотно и покажут его священникам, как бы указывая на то обстоятельство, что господь воскрес и более не завернут в пелену. Пусть затем споют антифон «Воскрес господь из гроба» и положат пелену на престол. По окончании антифона главный священник, радуясь вместе со всеми, что царь наш, победив смерть, воскрес, затынет «Тебя, бога, хвалим». В заключение идет колокольный звон.

Из монастырского устава («Regularis concordia monachorum») английского бенедиктинца св. Этельвальда (между 965 и 975 г.). Приведено в книге: G. Cohen, *Le théâtre en France au moyen âge*, Paris, 1928, p. 10.

РЕМАРКИ В ТЕКСТЕ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Мария Магдалина (*здесь она поворачивается к мужчинам? протянув к ним руки*). О братья! (*здесь к женщинам*) и сестры! Где моя надежда? (*Здесь она ударяет себя в грудь.*) Где мое утешение? (*Здесь она поднимает обе руки.*) Где спасение? (*Здесь опустив голову, она бросается к ногам Иисуса.*) О господин мой! (*Здесь обе Марии встанут и протягивают руки к Марии и Христу.*) Отчего... и т. д.

Мария старшая (*здесь она указывает на Марию Магдалину*). О Мария Магдалина (*здесь она указывает на Христа*), сына моего сладчайшая ученица. (*Здесь она целует Магдалину и обнимает ее обеими руками.*) Оплакивай скорбно вместе со мной (*здесь она показывает на Христа*) смерть моего сладчайшего сына (*здесь она указывает на Магдалину*) и смерть твоего учителя (*здесь она указывает на Христа*), смерть того (*здесь она указывает на Магдалину*), кто так тебя любил (*указывает на Магдалину*), кто тебя освободил (*здесь она освобождает свои руки и роняет их*) от всех твоих грехов (*здесь она обнимает и целует Магдалину, как в первый раз, заканчивает стих*), сладчайшая Магдалина!

Мария Магдалина (*здесь она приветствует Марию обеими руками*). Мать Иисуса распятого (*здесь она вытирает слезы*), вместе с тобой я буду оплакивать смерть Иисуса...

Мария, мать Иакова (*здесь она указывает по кругу на всех присутствующих и потом, поднеся руку к глазам, говорит*). Кто есть здесь, кто не заплакал бы, если бы он увидел мать Христа в такой скорби...

«Плач трех Марий» («Planctus Mariae et aliarum»). Из обрядной церковной книги в Цивидале (рукопись XIV в.). Приведено (во французском переводе) в книге: Eug. Lintilhac, *Histoire générale du théâtre en France*, v. I, Paris, 1909, pp. 48—49.

ОПИСАНИЕ УСТРОЙСТВА РАЯ ВО ФЛОРЕНЦИИ

Говорят также, что Филиппо¹ были изобретены машины для рая в церкви Сан-Феличе, что на площади в том же городе, на предмет представления, или, вернее, празднования благовещения по обряду, совершавшемуся во Флоренции в этом месте согласно древнему обычаю. Это была поистине удивительная вещь и свидетельствовала о таланте и изобретательности того, кто ее создал; действительно, в вышине было видно, как движется небо, полное живых фигур, и бесконечные светочи, которые, словно молнии, то вспыхивали, то вновь потухали. Однако я не хочу, чтобы показалось, что я ленюсь рассказать, каково было устройство этой машины, ибо дело это совсем разладилось и уже нет в живых тех людей, которые могли бы говорить об этом как очевидцы, а надежды на то, чтобы это было восстановлено, уже нет, так как в этом месте уже больше не живут, как прежде, камальдульские монахи, а живут монахини ордена св. Петра-мученика; в особенности же потому, что и у кармелитов уничтожили такого рода машину, так как она оттягивала вниз матицы, подпиравшие крышу.

Филиппо, дабы вызвать такое впечатление, приладил между двумя балками из тех, которые поддерживали крышу церкви, круглое полушарие, вроде пустой миски, или, вернее, таза для бритья, обращенное полостью вниз; это полушарие было сделано из тонких и легких дощечек, вправленных в железную звезду, которая вращала это полушарие по кругу; дощечки сходились к центру, уравновешенному по оси, проходившей через большое железное кольцо, вокруг которого вертелась звезда из железных прутьев, поддерживавших деревянное полушарие. И вся эта машина висела на еловой балке, крепкой, хорошо обшитой железом и лежавшей поперек матиц крыши. В эту балку было вправлено кольцо, которое держало на весу и в равновесии полушарие, казавшееся человеку, стоящему на земле, настоящим небесным сводом. А так как оно на внутреннем крае своей нижней окружности имело несколько деревянных площадок, достаточно, но не более того, поместительных, чтобы на них можно было стоять, а на высоте одного локтя, также внутри, имелся еще железный прут, то на каждую из этих площадок ставился ребенок лет двенадцати и на высоте полутора локтей опоясывался железкой таким образом, что не мог упасть, даже если бы он этого захотел.

Эти дети, которых всего было двенадцать, прикрепленные таким образом к площадкам и наряженные ангелами с золочеными крыльями и волосами из золотой пакли, брали в положенное время друг друга за руки, и когда они ими двигали, казалось, что они пляшут, в особенности же потому, что полушарие все время вращалось и находилось в движении, а внутри полушария, над головой ангелов, было три круга или гирлянды светочей, получившихся при помощи особо устроенных лампадок, которые не могли опрокидываться. С земли светочи эти казались звездами, а площадки, покрытые хлопком, казались облаками. От упомянутого выше кольца отвешивался очень толстый железный прут, на конце которого было другое кольцо, с прикрепленной к нему тоненькой бечевкой, достигавшей, как будет сказано ниже, до самой земли. А так как упомянутый выше толстый железный прут имел восемь веток, размещенных по дуге, достаточной, чтобы заполнить пространство полого полушария, и так как на конце каждой ветви были площадки величиной в тарелку, то на каждую из них ставился ребенок лет девяти, крепко привязанный железкой, прикрепленной к вершине ветви, однако настолько свободно, что он мог поворачиваться во все стороны. Эти восемь ангелов, поддерживаемые упомянутым выше железным прутом, снижались при помощи постепенно опускаемого блока из полости полушария на восемь локтей ниже уровня поперечных балок, несущих крышу, притом таким образом, что они были видны, но сами не закрывали вида тех ангелов, которые помещались по кругу внутри полушария.

Внутри этого «букета из восьми ангелов» (так именно его и называли) находилось миндалевидное сияние из меди, полое изнутри, в котором во многих отверстиях помещались особого рода лампадки, в виде трубочек, насаженных на железную ось, которые, когда нажималась спускающаяся пружина, все прятались в полость медного сияния; покуда же пружина оставалась ненажатой, все горящие светильники были видны сквозь его отверстия. Как только «букет» достигал положенного ему места, тоненькая бечевка отпускала при помощи другого блока, и сияние, привязанное к этой бечевке, тихо-тихо спускалось и доходило до помоста, па котором разгрыбалось праздничное действо, а на этом помосте, где сияние как раз и должно было остановиться, было возвышение в виде седалища с четырьмя ступеньками, в середине которого было отверстие, куда отвесно упирался заостренный железный конец сияния. Под этим седалищем находился человек, и когда сияние доходило до своего места, он незаметно вставлял в него болт, и оно стояло отвесно и неподвижно.

Внутри сияния стоял мальчик лет пятнадцати, в облике ангела, опоясанный железом и ногами прикрепленный к сиянию при помощи болтов так, чтобы он не мог упасть; однако, для того чтобы он мог стать на колени, этот железный пояс состоял из трех кусков, которые, когда он становился на колени, легко вдвигались друг в друга. И когда «букет» был опущен и сияние поставлено на седалище, тот же человек, который вставлял болт в сияние, отпирал железные части, связывавшие ангела, так что он, выйдя из сияния, шел по помосту и, дойдя до того места, где была дева Мария, приветствовал ее и произносил благую весть. Затем, когда он возвращался в сияние и снова зажигались светильники, которые потухали во время его выхода, человек, скрывавшийся внизу, снова заковывал его в те железные части, которые его держали, вынимая болт из сияния, и оно подымалось, в то время как ангелы в «букете» и те, которые вращались в небе, пели, производя впечатление, будто все это было настоящим раем; в особенности же потому, что, помимо хора ангелов и «букета», около скорлупы полушария еще был бог-отец, окруженный ангелами, подобными упомянутому выше и поддерживаемыми при помощи железных приспособлений—так, что и небо, и «букет» и бог-отец, и сияние с бесконечными светочами, и сладчайшая музыка—все это поистине являло вид рая.

Но этого мало: для того, чтобы можно было открывать и запирать это небо, Филиппо сделал две большие двери, в пять квадратных локтей каждая, имевшие снизу железные и медные валы, которые ходили по особого рода желобам; желоба же эти были настолько гладки, что, когда при помощи блока тянули за тонкую бечевку, прикрепленную с обеих сторон, дверь по желанию открывалась или затворялась, причем обе створки одновременно сходились и расходились, скользя по желобам. Таким устройством дверей достигалось, с одной стороны, то, что, когда их сдвигали, они вследствие своей тяжести шумели наподобие грома, с другой—то, что они, когда были затворены, служили помостом, чтобы одевать ангелов и готовить другие вещи, нужные внутри полушария. Итак, все эти приспособления и многие другие были изобретены Филиппо, хотя некоторые и утверждают, что их изобрели гораздо раньше.

Из «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» Джордже Вазари (1550). Под ред. А. Дживелегова и А. Эфроса, т. I, «Academia», 1933, стр. 310—314.

ПРИМЕЧАНИЯ

Девы мудрые и девы неразумные

¹ Это одна из древнейших литургических драм, дошедшая до нас в рукописи XI века, принадлежавшей братству св. Марциала в Лимузене. Она написана на латинском языке с рядом вставок на народном (провансальском) языке. Ее обычно называют «Жених» (Sponsus) по первому слову рукописи, начинающейся с перечисления действующих в драме лиц.

² Хронологически это—первое появление чертей в церковном театре средних веков.

³ Зачисление в «пророки иудейские» римского поэта Вергилия и римской пророчицы -Сивиллы, будто бы предсказывавших появление Христа, объясняется тем, что они являлись язычниками и, следовательно, стояли на одной доске с иудеями, отрицавшими христианское вероучение.

Постановка пасхальной литургической драмы

¹ Альба (дословно—«белая»)—одеяние низших чинов католического духовенства, напоминающее стихарь православной церкви. В средневековом церковном театре альба являлась одеянием ангелов.

Описание устройства рая во Флоренции

¹ Филиппо Брунеллеско (1377—1446)—известный флорентийский скульптор и архитектор.

Блюди, чтоб мысли мне твои
Противоречить не могли.

А д а м

Нет, буду верен до конца,
Всегда лишь слушаться творца.

С у щ е с т в о

Подругу дал тебе одну;
Чти Еву как свою жену.
Она, жена тебе равна;
Будь верен ей, как и она.
Как и она, люби ее,
И благом будет бытие.
Пусть повинуется тебе,
Вы ж оба мне — в своей судьбе.
Она из твоего ребра,
Родна должна быть и добра.
Она из тела твоего,
А не извне — у вас родство.
Разумно ею-управляй;
Дух несогласия удаляй;
В великой дружбе и любви
Ты с пей в саду моем живи!

(Еве.)

К тебе, о Ева,- речь моя.
Запомни все, что молвлю я.
Коль хочешь ты к добру итти,
Мою ты волю только чти,
Люби и чти меня, творца,
Как господина и отца.
Служи мне мыслию своей,
Всем сердцем и душою всей.
Знай—ты жена, а он — твой муж
Любовь к Адаму не нарушь.
Под волю ты его клонись,
От противленья охранись.
Люби его без всякой лжи,
Ему без ропота служи,
Коль будете в любви семья,
Обоих вас прославлю я.

Е в а

Господь, закон твой нерушим,
И против мы не погрешим.
Ты — повелитель мне один;
Он равен мне, но господин;
Мне дорог будет мой Адам,
Совет всегда ему подам.
И мне не надо лучшей доли,
Я из твоей не выйду воли.

д ь я ё о л

Пришел, о Ева, в твой эдем.

Е в а

Скажи, о Сагана,, зачем?

Д ь я в о л

Тебе открою славы путь.

Е в а

Господня воля!

Д ь я к о л

Страх забудь!

К тебе приход мой не случай п.

В раю узнал я много тайн

И часть открыть тебе слешу.

Е в а

Я внемлю, говори, прошу.

Д ь я в о л

Ты внемлешь?

Е в а

Да! Не огорчу

Отказом, я внимать хочу.

Д ь я в о л

Ты не расскажешь?

Е в а

Нет! открой?

Д ь я в о л

Но разгласится все...

Е в а

Не мной.

Д ь я в о л

Порукой слово. Не изменишь

Ты мне и речь мою оценишь?

Е в а

Доверься же, я не предам.

Д ь я в о л

Ты знаешь: неумен Адам.

Е в а

Он строг, суров.

Д ь я в о л

Он будет слаб?

Е в а

Чистосердечен.

Дьявол

Больше раб.
Не мысля о своей судьбе,
Хотя б подумал о тебе!
Ведь ты слаба, нежна ведь ты,
Как розы вешние листы:
Свежее снега ты, белей
Ты распустившихся лилей.
Творец вас дурно согласил:
Ты — нежность, он же — грубость
Но лишь тебе желаю я
Открыть всю тайну бытия,
Затем, что ты мудрей, чем муж.
Так не расскажешь ты?

Ева

Кому ж?

Дьявол

Расскажешь, тайну не храня.
Узнает все.

Ева

Не от меня.

Дьявол

Так слушай. В мире мы во всем
С тобою будем знать вдвоем;
В незнание пусть живет Адам.

Ева

Ни слова я не передам.

Дьявол

Тебя к познанию веду.
Вы здесь обмануты, в саду.
В плодах, что вам вкушать дано,
В них соков слабое вино.
Лишь те, что вам запрещены,
Всей силой жизненной полны.
Их только мякоть бы дала
Познание вам добра и зла,
Дала б могущество и власть.

Ева

А вкус?

Дьявол

Божественная сладость!
Твоей достойно красоте
Дерзнуть вкусить плоды бы те
Владела б этою ценой
Ты высотой и глубиной.
Плода запретного поесть —
И ты б познала все, что есть.

Е в а

Ужели плод таков?

Д ь я в о л

О да!

Е в а

(внимательно осмотрев свесившийся плод)

Такие видела всегда.

Д ь я в о л

Вкусив, уверишься вполне:

Я прав.

Е в а

Как знать?

Д ь я в о л

Не веришь мне?

Адаму дашь. С ним примешь ты
Корону неба с высоты,
И будете творцу равны,
Прияв познания глубины.
Плода лишь вкусите, тотчас
Сердца изменятся у вас.
Сравнились бы, когда б вкусили,
Вы с богом в благости и силе.
Вкуси плода.

Е в а

Запрет на нем.

Д ь я в о л

Не верь Адаму ты ни в чем.

Е в а

Я сделаю.

Д ь я в о л

Когда?

Е в а

Пусть с глаз

Уйдет Адам сперва от нас.

Д ь я в о л

Прошу, отведай же теперь.

Смешна медлительность, поверь. [...]

Дьявол удаляется от Евы и уходит в ад.

Подходит Адам, недовольный тем, что с Евой беседовал Дьявол,
и говорит ей:

А д а м

Какое зло, открой, жена,
Тебе внушал здесь Сатана?

Е в а

О нашей славе он учил.

А д а м

Не верь! Он имя получил
Предателя — враг бытия.

Е в а

Откуда знаешь?

А д а м

Слышал я.

Е в а

Что в том? Поговорил бы с ним,
Твой стал бы приговор другим.

А д а м

Нет, не поверю я ему —
Он сеет только зло и тьму.
Не позволяй, приди в себя,
Влечет он, души все губя.
Врагом создателя он стал,
И он на бога клеветал;
Того, кто поступает так,
Не принимай—тому я враг.

Змей, искусно сделанный, всползает по стволу запретного дерева. Ева преклоняет к нему ухо, как бы прислушиваясь к его советам. Она берет яблоко и протягивает его Адаму, но Адам не принимает его. Тогда Ева говорит:

Е в а

Таких не приходилось есть,
Возьми, пока возможность есть.

А д а м

Так хороши?

Е в а

Попробуй сам.
Оценишь вкус, лишь дав устам.

А д а м

Страшусь.

Е в а

Как!

А д а м

Взять—не взять, когда б...

Е в а

Колеблешься... Ужель так слаб?

А д а м

Дай.

Е в а

Съешь! И станет все светло.
Познаешь ты добро и зло.
Все, что от нас таит эдем.
Ты — после, я сперва поем.

(Съедает часть яблока.)

О, дивный|вкус! Никто плода
Не ел такого никогда.
О, сладость невозможных нег!

А да м

Каких же?

Е в а

Я не знала век.
Вся тайна стала мне ясна,
Как будто богу я равна.
Я знаю все, чем я была,
Чем быть должна: вся глубь светла.
Не медли же, вкушай, Адам!
Тебе я тем блаженство дам.

Л да м

Тебе поверю: ты жена.

Е в а

Вкуси же. Прав был Сатана.

Адам съедает часть яблока и познает, что согрешил. Он опускает глаза, снимает пышн\н> одежду и надевает бедную одежду, сшитую из фиговых листьев, и, являя вид великой скорби, начинает сетовать:

Л да м

Увы, увы. Я согрешил!
Я счастья сам себя лишил!
Увы! жалка, судьба моя,
И смерть за грех познаю я.
Наказано мое дерзанье,
Блаженство перешло в терзанье
Сгубил совет меня жены,
От бога мы удалены.
Что делать мне? Как прежним стать¹!
Как буду господу внимать?.. ; ;
Внимать как бога мне словам?
От бога отошел Адам. ,в
Лишен невинных я утех,
Позна.ч я, что такое грех, v
Когда ж я в смерти взор смежу,.
Мир от себя освобожу? 1st
Что тяготить я буду мир?
Тьму ада зреть мне — не эфир,
В аду ждать буду, взаперти,
Того, кто может извести.
Вся будет адом жизнь моя.
Кто из него спасет меня? ь
Кто мне былое, возвратит
И от скорбей освободит?
Зачем творца я оскорбил?

Кто, как не он, меня любил?
Меня спасет какой же друг?
Иду в путь гибели и мук.

С у щ е с т в о

Идите вон. Сменить вам рай
Придется не на лучший край.
Вот ставьте хижину свою:
Не нужно было то в раю.
Вы не измените суда,
Нет возвращенья вам сюда.
Не ваше все, что здесь окрест,
Себе других ищите мест.
Идите ж вон. Запрет вам тут;
Ждет вас отныне глад и труд,
Ждет скорбь, усталость и нужда
Дни, и недели, и года.
Вам лишь страдать отныне впредь,
И, наконец, вам умереть.
А жизни завершив чреду,
Потом жить будете в аду.
И будут изгнаны тела,
А души сгибнут властью зла;
У Сатаны быть — ваш удел,
И нет того, кто б пожалел,
Кто б вам помог хотя словами,
Коли не сжалюсь сам над вами.

Перевод прозаического (латинского) текста П. Н. Полевого («Исторические очерки средневековой драмы», СПб, 1865, стр. 131), стихотворного (французского) текста С. П и н у с а («Французские поэты, характеристики и переводы», т. I, СПб, 1914, стр. 71—81).

ВОСКРЕСЕНИЕ СПАСИТЕЛЯ¹

(XII в.)

Представим следующим образом святое воскресение. Сперва расположим места и жилища, а именно: во-первых, распятие, потом гробницу. Там должна быть также тюрьма, чтобы заключать узников. Ад будет помещен с одной стороны, а дома — с другой, потом небо; и на ступенях, прежде всего, Пилат со своими вассалами²; у него будет шесть или семь рыцарей. Кайафа будет с другой стороны, и с ним еврейство; потом Иосиф Аримафейский. На четвертом месте будет дон Никодим; каждый будет иметь с собой своих. На пятом месте будут ученики Христа; на шестом — три Марии. Позаботятся и о том, чтобы сделать Галилею посреди помоста. Сделают также Эммаус, где Иисус Христос получил гостеприимство. И когда весь народ усядется и всюду наступит молчание, дон Иосиф Аримафейский придет к Пилату и скажет ему:

И о с и ф . Господь, который спас Моисея и Аарона от руки царя Фараона, да спасет Пилата, господина моего, и даст ему почет и достоинство!

П и л а т . Геркулес, который убил дракона и разрушил древний Герион, да подаст благо и почет тому, кто приветствует меня с любовью!

Иосиф. Господин Пилат, будь благословен! Да поможет тебе господь своей великой силой; да внушит он тебе своим могуществом благоволение ко мне! Да даст мне всемогущий господь, чтобы он соблаговолил меня выслушать!

Пилат. Дон Иосиф, добро пожаловать. Ты должен быть хорошо принят мной; ты не можешь сомневаться во мне; если ты думаешь иначе, это ребячество. Знай же достоительно и истинно, что я выслушаю тебя спокойно.

Иосиф. Милый господин, не прогневайтесь, если я буду говорить вам о сыне Марии, о том, который там распят. Будьте уверены, что он был честный человек. Вы и иудеи, однако, предали его смерти; вы должны очень бояться, чтобы не случилось с вами великого несчастья.

Пилат. Дон Иосиф Аримафейский, я позволю себе только сказать, что иудеи, по их великой зависти, виновны в великом преступлении; я согласился из боязни потерять свою власть; потому что они обвинили бы меня в Риме, и я вскоре потерял бы жизнь.

Иосиф. Если ты сознаешься в своем злодеянии, проси милости у Иисуса; ты найдешь хорошую защиту. Никто не просит его милосердия, не получив его; даже те, которые влекли его к смерти. Но я пришел сюда за другим: дайте мне только его тело; я вас умоляю, даруйте мне его; и я сделаю с ним, что должно сделать.

Пилат. Милый друг, что вы хотите с ним сделать? Думаете вы его вернуть к жизни? Он испытал великие страдания; вы верите, что он может вновь ожить?

Иосиф. Конечно, милый господин Пилат, ничуть не верю! (Однако он весь воскреснет!) Но только, чтобы соблюсти наш обычай, я хочу его похоронить из любви к богу.

Пилат. Совершенно ли он умер?

Иосиф. О милый господин, не сомневайтесь.

Пилат. Мы узнаем это через наших сержантов.

Иосиф. Позовите их; видите их там сколько.

Пилат. Сержанты, встаньте быстро. Идите скорее, где распят осужденный; пойдите к этому распятому узнать, мертв он или нет.

Тогда двое из сержантов ушли, неся в руках копьё. Встретив Лонгина, слепца, они ему сказали:

Один из сержантов. Лонгин, брат, хочешь заработать?

Лонгин. Конечно, милый господин, не сомневайтесь.

Солдат. Иди; ты получишь двенадцать динариев, чтобы пронзить бок этого распятого.

Лонгин. Очень охотно пойду я с вами, потому что мне очень нужно заработать: я—беден, и нечего тратить; я довольно прошу, но это мне не удается.

Когда они подошли к кресту, они вложили ему копьё в руку.

Один из солдат. Возьми это копьё в руку, ударь хорошенько в тело и не напрасно. Заставь его войти до легкого. Так мы узнаем, мертв он или нет.

Лонгин взял копьё и ударил Иисуса в сердце. Оттуда вышла кровь и вода, потекла ему на руки и смочила ему лицо; и когда он поднес пальцы к своим глазам, он тотчас стал видеть и потом сказал:

Лонгин. О Иисус! О прекрасный господин! Теперь, клянусь небом, не знаю, что сказать; но ты очень хороший врач, когда меняешь на милость твой гнев. Я заслужил смерть из-за тебя, а ты оказал мне такую милость, что я вижу теперь глазами, которыми раньше не видел. Я отдаю вам и взываю о милосердии.

Тогда он склонил колена в слезах и тихо произнес молитву. Рыцари вернулись обратно; и один сказал таким образом:

Один из солдат. Господин князь, будьте уверены, что Иисус Христос перестал жить. Мы там видели великое чудо. Милый товарищ, разве Ы его не видел?

Другой солдат. Мы оба его видели.

Пилат. Тише, дураки! Молчите.

Пилат обратился тогда к дону Иосифу; и ему было хорошо, когда он так сказал:

Пилат. Дон Иосиф, вы мне хорошо служили; возьмите тело, я вам его отдаю.

Иосиф. Господин, великое спасибо! Это прекрасная награда за мою службу.

Когда Иосиф ушел и отправился к Никодиму, Пилат стал говорить со своими сержантами. Он сказал одному из них, которого позвал:

Пилат. Эй, вассал! Подойди сюда. Какое чудо видел ты там? Скажи мне поскорее, как заметил ты то, о чем я только что приказал тебе молчать.

Солдат. Когда слепец Лонгин ударил копьем в бок распятого, он взял кровь и приложил к своим глазам. И на свое счастье сделал он это, потому что прежде он был слеп, а теперь он видит. И не удивительно, что он верит в него.

Пилат. Молчи, вассал! Никто пусть не говорит об этом. Это наваждение, не верьте ему. Я приказываю схватить Лонгина и посадить его в темницу, чтобы он не проповедовал таких речей.

Итак, они пошли к Лонгину, туда, где он был, склонив голову.

Солдат. Эй, товарищ, эй! Ты пойдешь в тюрьму; плохой там тебе приют будет сегодня. Неправда, что ты видишь что-нибудь. Это ложь, мы это отлично знаем; так как ты веришь в распятого, ты говоришь, что он вернул тебе зрение.

Лонгин. Поистине он вернул мне зрение, и я совсем верую в него. Да, я верую в него; и в этом нет ничего дурного, потому что он господин и царь небес.

Другой солдат. Сейчас вы говорили худо; а теперь еще хуже, за это вы будете посажены в тюрьму. Идите вперед; скоро вы туда придете.

Лонгин. Я радуюсь этому и веселюсь.

Когда они пришли к темнице, они сказали ему такие слова:

Солдат. Входи; ты выйдешь отсюда только затем, чтобы потерять то, что ты имеешь, то есть тело и жизнь, если ты не отречешься от сына Марии.

Лонгин. Сын Марии есть царь и господь, и я в это верую и хочу об этом говорить; ему я поручаю жизнь мою. и мне мало дела до того, что вы говорите.

В -лю время Иосиф, почтенный человек, пришел к Микодиму.

Иосиф. Дон Никодим, идите со мной. Пойдем снять господа нашего; не откажем ему в этом. Даже если он мертв совсем, он и тогда'окажет нам великую помощь. Возьмите клещи и молоток, чтобы вытащить гвозди. Кто бы ни почти.1 его. он вознаградит его, будьте уверены; поэтому, милый Друг, поспешим. Окажем ему, если хочешь, такую почесть, чтобы с честью положил ь тело его в гроб.

Микодим. Господин Иосиф, я хорошо видел, что господь, который был распят, поистине был пророк и святой человек. Он научил меня познать, это, когда я пришел к нему учиться; и все-таки я не осмелюсь пойти с вами снять его, хотя и очень желаю оказать ему эту великую,услугу. Но я так боюсь суда, что никак не решусь этого сделать. Но я пойду с вами к Пилату, из его уст услышу разрешение и тогда буду действовать увереннее.

И о с и ф . Хорошо, идите; я сведу вас к нему.

Оба они идут к Пилату, и двое слуг вместе с ними, из которых один несет инструменты, а другой—ящик с благовониями.

Господин, мне нужен товарищ, а я могу иметь его только через вас. Скажите этому, чтобы он не беспокоился и без страха шел со мной.

П и л а т . Вы можете идти, милый друг. С вами ничего дурного не будет. Ступайте смело; я всюду буду вам порукой.

Когда они пришли к кресту, Иосиф громко вскричал:

И о с и ф . О Иисус, сын Марии, святой, милосердной и благочестивой девы! Иуда совершил великое предательство и великое безумие, когда из алчности продал тебя тем, которые не любили тебя!

И и к о д и м . Душа его погибла, когда он сам отнял у себя жизнь. Иудеи также, эти несчастные, мои родственники, могут очень оплакать свой поступок. Они несчастнее, чем другие народы: это так верно, как то, что ты не лжешь.

Никодим взял свои инструменты, а Иосиф сказал ему так:

И о с и ф . Подойдите сперва к ногам.

Н и к о д и м . Охотно, господин, и потихоньку.

И о с и ф . Поднимитесь к рукам; вынимайте гвозди.

Н и к о д и м . Господин, я охотно вытащу их оба.

Когда Никодим сделал так, он сказал Иосифу, который подхватил тело:

Н и к о д и м . Возьмите его осторожно к себе на руки.

И о с и ф . Видите, я так и делаю.

Тогда они осторожно опустили тело, а Иосиф сказал своему слуге:

И о с и ф . Дайте мне теперь мази: мы умастим все тело.

В то время как ему дают мази. Никодим говорит громко:

Н и к о д и м . О всемогущий боже! Небо и земля, вода и ветер—все повинуется тебе; и также все другое, кроме одних дурных людей, которые подвергли Иисуса мучениям и предали его смерти без суда. Придет отмщение, но ты, господин, многотерпелив. Дай нам достойно похоронить это святое тело.

Когда они умастили тело, они положили его.

Господин Иосиф, вы—старший: идите в голове, я пойду в ногах; пойдем, погребем скорее. Видели ли вы, где можно положить его?

И о с и ф . У меня есть очень хорошая могила из камня, совсем новая; пойдем туда скорее. Там мы похороним его.

Когда он был погребен и камень приложен, тогда Кайафа, который встал, говорит так:

К а й а ф а . Господин Пилат, послушайте моего совета: я сделал бы большую ошибку, если бы скрыл его от вас. Изменник Иисус, этот обманщик, который был распят, как разбойник, говорил при своей жизни (чему многие поверили), что он на третий день восстанет; но безумен тот, кто этому верит. Заставим стеречь гроб, чтобы его ученики не пришли унести тело; потому что они пошли бы всюду рассказывать и объявлять по всей стране, что он жив и воскрес из мертвых. Это ввело бы слабых в обман. Если это так, то будет еще хуже.

П и л а т . Вы говорите правду; таково и мое мнение.

При этом один из сержантов встал и так стал говорить Пилату:

Н е к и й с о л д а т . Если мне дать попечение об этом, я буду стеречь гроб, и если случайно произойдет, что придет кто-нибудь из его друзей, ко-

торый захочет его унести, он не воротится без того, чтобы пожалеть об этом; потому что у него не будет ни одного члена, который я ему не поломаю; я не забочусь, чтобы священник разрешил меня.

Три других солдата встали и так сказали первому:

Другой солдат. Милый товарищ, мы пойдем с вами и будем стеречь гроб. Никто не придет, чтобы мы его не схватили; никто не унесет его, чтобы мы не узнали.

Третий солдат. Пойдем скорее смело и будем хорошо охранять могилу. Если кто-нибудь придет унести его, мы нагоним на него страху.

Четвертый солдат. Во имя верности, которой я обязан Пилату, если кто-нибудь придет, чтобы устроить плутовство, я дам ему дюжину таких тумачков, что он от первого кувырнется.

Пилат. Верно ли вы исполните то, в чем клянетесь? Если найдется человек довольно смелый, чтобы притти сюда после захода солнца, чтобы выследить и высмотреть, нельзя ли унести у вас тело, и скажет, что пришел за этим,—клянитесь мне здесь, что, будь он мал или велик, вы его схватите. Когда он будет взят, вы приведете его к нам. Клянетесь ли вы честно сдерживать обещание? Где книга! Пусть принесут ее.

Вот священник, по имени Левит; он записал закон Моисея.

Левит. Вот закон, данный Моисеем, так, как сам бог сказал ему. Он содержит десять заповедей. Кто хочет преступить клятву, пусть молчит.

Кайафа. Теперь клянитесь все на этом писании сдерживать все, что я вам сказал.

Один из солдат. Клянусь законом, который здесь, что если кто-нибудь придет тайком ко гробу, я постараюсь схватить его, как смогу, и привести его к вам.

Другой солдат. Клянусь великой силой этого закона, я соблюду то, что сказал он.

Третий солдат. Я сделаю также, если угодно богу, клянусь святым законом, который здесь,—если он мне поможет.

Кайафа. Я вас провожу, я покажу, что надо делать. Согласны вы на это, господин?

Пилат. Охотно, господин Кайафа.

Когда они идут ко гробу, кто-то спрашивает их по дороге:

Некто смотрящий на дороге. Куда идете вы так поспешно?

Один из солдат. Мы идем стеречь могилу Иисуса, который погребен и который сказал, что он воскреснет на третий день.

Тот же. Пилат приказал это?

Другой солдат. Да, знайте, что это правда. Вот первосвященник Кайафа, который идет с нами и который прикажет нам. Теперь пускай приходит, кто хочет.

Когда Кайафа привел их ко гробу, он возвысил голос и дал им такие приказания:

Кайафа. Теперь вот вы у гроба; стерегите его, как следует. Если вы заснете и похитят Иисуса, мы никогда не будем добрыми друзьями.

(На этом прерывается дошедшая до нас рукопись.)

«La Résurrection du Sauveur». Приведено в книге: L. J. N. Monmerqué et F. Michel, Théâtre français au moyen âge, Paris, 1839. Перепечатано из кн"ги: И. И. Гливенко, Хрестоматия по всеобщей литературе, ч. 1, П., 1915, стр. 265—271.

ПРИМЕЧАНИЯ

Представление об Адаме

¹ «Представление об Адаме»—анонимная полулитургическая драма, дошедшая до нас в англо-нормандской рукописи середины XII века. Она состоит из трех частей: 1) грехопадения Адама и Евы, 2) убийства Каином Авеля и 3) явления пророков. Написана она на старофранцузском языке рифмованными стихами, кроме сценических ремарок, написанных прозой по латыни. Мы приводим отрывки из первой части пьесы.

² Далматика—верхняя одежда дьякона в католической церкви, надеваемая во время богослужения.

³ В латинском подлиннике—*Figura*, чтобы не называть бога его собственным именем.

Воскресение спасителя

¹ Отрывок мистерии «Воскресение спасителя» дошел до нас в рукописи второй половины XII века, хранящейся в Парижской национальной библиотеке и впервые опубликованной А. Жюбиналем (*Jubinal*) в 1834 году. Пьеса написана на старофранцузском языке рифмованными стихами и начинается своеобразным прологом, дающим описание сцены.

² Текст мистерии «Воскресение спасителя» усеян терминами, взятыми из словаря феодального общества («вассалы», «рыцари», «сержанты» и др.), которые являются анахронизмом в применении к библейскому материалу.